

ЖУРАВЛЬ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ХАКАСОВ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, 17
e-mail: venariy@ngs.ru

В статье анализируется образ журавля в мифоритуальном комплексе хакасов. На основе литературных сведений, а также полевых и архивных материалов рассматривается связь этой птицы с воззрениями о душе и смерти человека. Анализируется соотношение образа журавля и его гнезда с домом и женским началом.

Ключевые слова: хакасы, мифология, обряды, представления о душе, фольклор.

В традиционной культуре хакасов одной из почитаемых птиц был журавль (хак. *турна*). Исследователь А.А. Кропоткин относил журавля (наряду с орлом и уткой) к главным представителям пернатого мира хакасской фауны [1, с. 20].

По мифологическим представлениям хакасов, *турна* принадлежал к категории «царских» птиц. В фольклоре известен сюжет, согласно которому в мире пернатых журавль являлся самой главной птицей, однако, провинившись, он был безвозвратно лишен этого статуса [2, с. 43–47]. Приведем сведения одного из вариантов этого мифа, обнаруженного в архиве Русского географического общества (г. Санкт-Петербург). «Прежде журавль был царем птиц, а когда он стал сильно обижать и бить птиц (тераксак¹

ногу переломил), тогда Кудай (Бог. – *В.Б.*) сменил его и назначил белохвостого беркута»²

. Подобные мифологические взгляды на журавля, потерявшего царский трон, имели широкое распространение среди тюрко-монгольских народов Сибири [3, с. 174; 4, с. 285; 5, с. 73]. Вместе с тем в хакасском фольклоре образ журавля часто наделялся яркими чертами – благородством, отзывчивостью и бескорытием. Так, в одном из хакасских мифов журавль, откликаясь на просьбу, совершенно безвозмездно предоставляет отдельным животным еду [6, с. 101–102].

В архаических воззрениях журавль, подобно другим перелетным птицам, был связан с анимистической идеей. География полетов птиц с севера на юг и обратно в мифологическом сознании воспринималась как путешествие из мира мертвых (север) в мир живых (юг). Данная мысль получила свое воплощение в идее неразрывной связи образа птицы с сакральной сферой и душой человека. Хакасы полагали, что в момент смерти душа-*тын* (букв. душа-‘дыхание’) взрослого человека отрывалась и, превратившись в журавля [7, с. 102–103; 8, с. 521]³

, улетала в страну мертвых (*язят чирі*) [9, с. 107; 10, с. 15]. Ассоциация именно с этой птицей была не случайна. Журавль отличается от других пернатых своей неутомимостью в полете на дальние расстояния, в том числе, как считали хакасы, и в потусторонний мир. Весной во время прилета журавлей или осенью в период их отлета люди выходили на кладбище и проводили поминки по умершим в текущем году. Для поминовения душ этих людей на костре сжигалась ритуальная пища [11, с. 165]. Согласно традиционным представлениям, «журавли кругами летают над могилами и считают покойников»⁴

. Хакасы полагали, что в летний сезон журавли должны вывести птенцов – числом, равным числу умерших в течение года [11, с. 165]. Стоит заметить, что в мировоззрении тюркских и монгольских народов круговое вращение в целом имело сакральное значение. Круговой облет мест обитания и сопредельных территорий, по мнению орнитологов, является типичным поведением журавлей [12, с. 273]. У хакасов принято было считать, что если прилетевшие весной журавли кружили над селением по ходу солнца, то это являлось благостным предзнаменованием. В случае же, если полет этих птиц имел противоположное направление, это считалось плохим предвестием. Ожидался тяжелый год, сопровождаемый болезнями и смертью людей и скота. В этом случае хакасы кричали в адрес журавлей: «*Оңар ибiрiнер!*» – ‘Кружите правильно’ [13, с. 76].

В традиционном сознании круговой облет журавлей мог соотноситься, очевидно, с обрядом *ибiрiг* похоронного цикла и осуществлялся в виде троекратного кругового обхода вокруг гроба и могилы. Он был призван отделить душу умершего от живых и выполнял защитную функцию. В мифоритуальной системе хакасов журавль воспринимался в качестве проводника души человека в загробный мир. Этот образ, символизирующий путь человека в один конец, определил смысл народной поговорки: «Дорога гуся просторная, путь журавля глухой!» [14, с. 359].

В мировоззрении хакасов журавль как птица, имеющая прямое отношение к сакральному, наделялась в определенной степени и вредоносными для человека качествами. Ее относили к категории «*хааргысчыл хус*» – ‘проклинающих птиц’ [15, с. 169; 16, с. 106]. Сведения о вере хакасов в проклинающие свойства этой птицы еще в конце XIX в. были записаны Н. Поповым. Исследователь сообщал: «Если кто-нибудь возьмет яйца из журавлиного гнезда, то самка кланяется солнцу и

¹ Птица коростель (дергач).

² Архив Русского географического общества (АРГО). Разр. № 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 15 об.

³ Наряду с этим, бытовали и иные представления о душе-*тын*, например, в виде нити или облачка.

⁴ Полевые материалы автора (ПМА): 2010, с. Отты Аскизского района Республики Хакасии; Бурнаков Алексей Андреевич, 1937 г.р.

проклиная похитителя; поэтому татары (хакасы. – В.Б.) не трогают журавлиных яиц»⁵

. Журавли, как известно, гнездятся парами. Поэтому считалось, что человека, застрелившего одного из них, другой обязательно проклянет и нередко, чтобы избежать проклятия, убивали журавлиную пару.

Вера в журавлиное проклятье и табу на отстрел этой птицы были известны и другим тюркам Южной Сибири [16, с. 107, 113; 17, с. 290]. Убивать журавля допускалось лишь в ритуальных целях. У хакасов бытовал обычай «*турна ялгыз*» – ‘закон журавля’. Охотник, добывший птицу, отправлялся с ней в гости к наиболее состоятельным людям (баям). Он мог свободно обменять тушку журавля на какое-либо животное или предмет. Отказ произвести такой обмен считался большим грехом и сулил негативные последствия. Со слов информанта: «Когда охотник подстреливал журавля, то, вернувшись домой, дарил птицу соседу. Сам охотник не имел права оставлять ее у себя, в противном случае на него и его семью обрушится несчастье. Сосед отдавал журавля другому соседу, а тот мог передать третьему. Последний, кому доставалась птица, варил ее мясо. При этом он был обязан пригласить на трапезу всех, кто передавал ему журавля, в том числе и подстрелившего птицу. Мясо журавля считалось очень ценным подарком»⁶

По материалам В.Я. Бутанаева, обычно охотника одаривали овцой или полусуконным кафтаном [13, с. 76].

Согласно же сведениям Н.Ф. Катанова, «если везти журавля, то давали стельку для обуви» [18, с. 59–60]. Надо заметить, что в хакасском фольклоре образ журавля имел устойчивую связь с обувью [14, с. 334; 19, с. 287]. Вероятно, один из узнаваемых признаков этой птицы – голенастость – в ми фологическом сознании в определенной степени способствовал ее отождествлению с обувью, имеющей высокую голень.

Необходимо сказать, что в традиционной культуре распространенным явлением было наделение природных объектов и представителей животного мира человеческими чертами и наоборот. Эти воззрения в полной мере распространялись и на журавлей. Например, про одинокого человека говорили «*асхан турна*» – букв. ‘заблудившийся журавль’ [15, с. 680]. Подобная же идея обнаруживается в следующей быличке:

Ибсэк – болотная трава с колючими листьями, корни ее употребляются в пищу. Журавли охотно едят эти корни, отыскивают их на болоте и добывают своим длинным носом. Один журавль нашел ибсэк и хотел есть его, а другой прилетел и говорит:

– Дай мне!

– Не дам!

– Не дашь, так я тебя отсюда прогоню!

Побоялся журавль, чтобы его не отогнали от корней, и дал. Рассказ, не интересный по содержанию, оживляется тем, что в восклицаниях: Дай мне! Не дам! Не дашь, так, прогоню! На татарском (хакасском. – В.Б.) наречии слышится большое сходство с подражанием крику перекликающихся журавлей⁷

Испокон веков, наблюдая за «семейной» жизнью журавлей, люди отмечали их высокую привязанность друг к другу и особенно к своему гнезду. Известно, что эти пернатые сооружают гнезда, имеющие округлую форму на земле. Данная особенность, как и способ гнездования этой птицы, нашли отражение в мифологическом сознании хакасов. Юрта – жилище, также округлое в плане, в фольклоре соотносилось с птичьим гнездом, а порой и с самой птицей, в том числе и журавлем. Подобные воззрения представлены в следующих загадках: «Гнезда ста птичек – на одном месте (решетка юрты)», «Большая птица улетела, и гнездо ее осталось (снятие коры)», «Журавленок улетел, а кочка осталась (след снятой коры)» [18, с. 255, 258, 272].

В языке хакасов имеются идиоматические выражения, в которых все члены семьи напрямую соотносятся с птицами [14, с. 219]. Возможно, что реликты архаических представлений: «человек (душа) – птица» // («дом – гнездо (птица)») актуализируются ритуальной практикой подвешивать грудинку журавля – *паксян* – к стропилам юрты. Помимо апотропейной функции, грудинка была призвана нести счастье (*ырыс*) в дом. Считалось, что паксян также способствует удаче на охоте [13, с. 76; 20, с. 54; 21, с. 132].

В культуре хакасов, как и других тюркских и монгольских народов, традиционно домашний быт и хозяйство в большей степени входили в сферу деятельности женщины. Данные реалии нашли отражение в хакасском языке, где слово женщина («*итчи*») буквально переводится, как ‘домашняя’ [15, с. 34]. Женские черты журавлиного образа ярко представлены в фольклоре; например, в хакасских загадках: «В тумане плачет женщина с косами (журавль)» [19, с. 369], «Сквозь облака причитает баба с косами (журавль)» [14, с. 322]. Определенные ассоциации этой птицы с женщиной представлены также в следующей песне:

Отправимтесь в кочковатую землю!

Поймаемте журавленка!

Пусть тот, кто не поймает журавленка,

Будет женщиною, имеющею косы! [19, с. 259].

Кроме того, образ журавля представлен и в названии некоторой домашней посуды, например *турна мойын* – ‘четверть (посуда) (букв. журавлиная шея’ [15, с. 158].

Таким образом, в традиционной культуре хакасов журавлю придавалось большое сакральное значение. Образ этой птицы имел прямое отношение к душе человека и соответственно был включен в мифоритуальную практику. В традиционных воззрениях журавль в большей степени соотносился с женским началом и жилищем. Сходство мифологических представлений и обрядовой практики с другими тюрко-монгольскими народами свидетельствует об их этнокультурных взаимодействиях в прошлом.

⁵ АРГО. Разр. 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 15 об.–16.

⁶ ПМА: 2000 г., с. Усть-Таштып Аскизского р-на Республики Хакасии; Тобурчинов Николай Павлович, 1930 г.р.

⁷ АРГО. Разр. Оп. 1. Д. 29. Л. 18 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кропоткин А.А.* Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. Восточные окраины России. Восточная Сибирь. СПб.; М., 1895. Т. XII, ч. 1.
2. Мифы и легенды хакасов. Абакан, 2006.
3. *Потанин Н.Г.* Очерки Северо-Западной Монголии. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2005.
4. *Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.; Л., 1940.
5. *Хлопина И.Д.* Из мифологии и традиционных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
6. Лягушка и журавль // Коре Сарыг на Буланном коне. Новосибирск, 1974.
7. *Бурнаков В.А.* Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск, 2006.
8. *Бурнаков В.А.* Смерть и похороны в культуре хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 1 (23).
9. *Бутанаев В.Я.* Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988.
10. *Бутанаев В.Я., Верник А.А., Ултургашев А.А.* Народные праздники Хакасии. Абакан, 1999.
11. *Бутанаев В.Я.* Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996.
12. *Тугаринов А.Я., Бутурлин С.А.* Материалы по птицам Енисейской губернии // Зап. Красноярск. подотд. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва по физ. геогр. 1911. Т. I, вып. 24.
13. *Бутанаев В.Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003.
14. *Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.* Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008.
15. *Бутанаев В.Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999.
16. *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
17. *Дьяконова В.П.* Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Человек и природа в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (2-я половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
18. *Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897.
19. *Катанов Н.Ф.* Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым; т. IX). СПб., 1907.
20. *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск, 1900. Вып. IV.
21. *Кулакова А.А., Кузнецов П.Е.* Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898.

Статья поступила
в редакцию 12.02.2012 г.